

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Т. И. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Внеклассное чтение (Росмэн)

Татьяна Александрова

Домовёнок Кузька

«РОСМЭН»

2015

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Александрова Т. И.

Домовёнок Кузька / Т. И. Александрова — «Росмэн»,
2015 — (Внеклассное чтение (Росмэн))

ISBN 978-5-353-07207-2

Для многих детей домовенок Кузька – один из самых любимых персонажей мультфильмов. И неудивительно: ведь он добрый, забавный и очень обаятельный. В сказочной повести замечательной писательницы Татьяны Александровой вы прочитаете все-все о домовенке и его приключениях: как он жил у леших, зимовал у Бабы-яги и, конечно, как подружился с девочкой Наташей.

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-07207-2

© Александрова Т. И., 2015
© Росмэн, 2015

Содержание

Мама домовёнка	6
Часть первая	8
Под веником кто-то был	8
Банька	12
Олелюшечки	15
Жердя звать не надо	17
Обиженный самолётик	21
Воробьиный язык	23
То тепло, то холодно	25
Вот беда, беда, огорчение!	28
Кто такой Кузька?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Александрова

Домовенок Кузька

Мама домовёнка

Ты наверняка видел мультфильм про домовёнка Кузю, а знаешь ли ты, что у домовёнка есть мама – добрая, ласковая, любящая, как все мамы на свете. Зовут её Татьяна Ивановна Александрова. Она родилась 10 января 1929 года в городе Казани, но детство провела в Москве со своими родителями и сестрой- близняшкой Наташей. А ещё в доме была помощница по хозяйству Матрёна Фёдоровна Царёва. Девочки очень любили свою Матрёшеньку. Ведь она не только о них заботилась, но и превращала их жизнь в сказку. Это, конечно, не значит, что Таня и Наташа жили, как избалованные принцессы, просто самые обычные предметы в доме становились для них волшебными. Так и казалось, что из-за цветочного горшка, украшенного резной бумагой, из-за занавески, подвязанной пёстрой лентой, вот-вот высунется домовая. Но

девочки не только слушали Матрёшины сказки, вскоре Таня и сама стала выдумывать истории и рассказывать их сестре. А потом была Великая Отечественная война, девочки оказались в эвакуации. И Таня, а было ей всего 13 лет, работала воспитательницей в детском саду и, конечно, сочиняла для малышек необычные истории.

Все дети вырастают, и Таня тоже выросла, но, как бывает с детскими писателями и поэтами, сохранила в сердце сказку. Возможно, именно за эту черту её полюбил замечательный детский поэт Валентин Берестов, который и стал её мужем. Вместе они написали чудесную книгу «Катя в игрушечном городе», а ещё «Сундучок с игрушками» и «Игрушечная школа».

Однако Татьяна Александрова не только писатель, но и художник. Рисовать она любила с детства. А потом выучилась, работала на мультстудии, вела занятия во Дворце пионеров – занималась с детьми и часто их рисовала, а чтобы они сидели смирно, рассказывала им сказки. И раньше во время практики в институте она ездила в деревню – делала зарисовки мальчишек и девчонок, а те делились с ней историями про всяких удивительных созданий – леших, водяных, домовых, кикимор. Вот и Кузю – тогда ещё просто лохматого домовёнка – она сначала нарисовала, а потом уже – 8 октября 1972 года – стала сочинять про него историю. Именно эта дата считается днём рождения домовёнка Кузи.

Хорошие книги приходят в мир разными путями. Бывает, что только автор издал произведение, и оно тут же стало известным, а бывает, что пройдёт много лет, прежде чем его полюбят и оценят. Так и путь домовёнка Кузи оказался намного длиннее, чем следовало бы. В 1977 году вышла первая история про домовёнка Кузю, но нарисовать к ней иллюстрации Татьяне Александровой не позволили, и Кузька получился толстым и каким-то староватым. Да и книжка прошла почти незамеченной. В 1983 году Татьяна Александрова умерла – ей было всего пятьдесят четыре. И уже после её смерти вышел в свет мультфильм «Дом для Кузьки» – первый мультфильм о домовёнке, прославивший Кузю на всю страну. Сценарий к нему написал В. Берестов, и домовёнок уже был таким, как надо, – очень похожим на того, которого нарисовала Т. Александрова: маленький, смешной, в огромных лаптях, с головой, похожей на солнышко. А потом вышла и книжка со всеми тремя историями про домовёнка – как та, которую ты держишь в руках. Вот тогда-то наконец у нас, читателей, появилась возможность узнать про Кузю всё-всё-всё!

М. А. Мельниченко

Часть первая Кузька в новом доме

Под веником кто-то был

Девочка взяла веник, да так и села на пол – до того испугалась. Под веником кто-то был! Небольшой, лохматый, в красной рубашке, блестит глазами и молчит. Девочка тоже молчит и думает: «Может, это ёжик? А почему он одет и обут как мальчик? Может, ёжик игрушечный? Завели его ключом и ушли. Но ведь заводные игрушки не умеют кашлять и так громко чихать».

– Будьте здоровы! – вежливо сказала девочка.

– Ага, – басом ответили из-под веника. – Ладно. А-апчхи!

Девочка так испугалась, что все мысли сразу выскочили у неё из головы, ни одной не осталось.

Звали девочку Наташей. Только что вместе с папой и мамой они переехали на новую квартиру. Взрослые укатили на грузовике за оставшимися вещами, а Наташа занялась уборкой. Веник отыскался не сразу. Он был за шкафами, стульями, чемоданами, в самом дальнем углу самой дальней комнаты.

И вот сидит Наташа на полу. В комнате тихо-тихо. Только веник шуршит, когда под ним возятся, кашляют и чихают.

– Знаешь что? – вдруг сказали из-под веника. – Я тебя боюсь.

– И я вас, – шёпотом ответила Наташа.

– Я боюсь гораздо больше. Знаешь что? Ты отойди куда-нибудь подальше, а я пока убегу и спрячусь.

Наташа давно бы сама убежала и спряталась, да у неё от страха руки и ноги перестали шевелиться.

– Знаешь что? – немного погодя спросили из-под веника. – А может, ты меня не тронешь?

– Нет, – сказала Наташа.

– Не поколотишь? Не жваркнешь?

– А что такое «жваркнешь»? – спросила девочка.

– Ну, наподдашь, отлупишь, отдубасишь, выдерешь – всё равно больно, – сообщили из-под веника.

Наташа сказала, что никогда не... Ну, в общем, никогда не стукнет и не поколотит.

– И за уши не оттакаешь? А то я не люблю, когда меня за уши дёргают или за волосы.

Девочка объяснила, что тоже этого не любит и что волосы и уши растут совсем не для того, чтобы за них дёргать.

– Так-то оно так... – помолчав, вздохнуло лохматое существо. – Да, видно, не все про это знают... – И спросило: – Дряпать тоже не будешь?

– А что такое «дряпать»?

Незнакомец засмеялся, запрыгал, веник заходил ходуном. Наташа кое-как разобрала сквозь шуршание и смех, что «дряпать» и «царапать» – примерно одно и то же, и твёрдо пообещала не царапаться, ведь она – человек, а не кошка. Прутья у веника раздвинулись, на девочку посмотрели блестящие чёрные глаза, и она услышала:

– Может, и свориться не будешь?

Что такое «свориться», Наташа опять не знала. Вот уж лохматик обрадовался, заплясал, запрыгал, руки-ноги болтались и высывались из-за веника во все стороны.

– Ах, беда, беда, огорчение! Что ни скажешь – не по разуму, что ни молвишь – всё попусту, что ни спросишь – всё без толку!

Незнакомец вывалился из-за веника на пол, лаптями в воздухе машет:

– Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Вот тетёха, недотёпа, невразумиха непонятливая! И в кого такая уродилась? Ну, да ладно. А я-то на что? Ум хорошо, а два лучше того!

Тут Наташа потихоньку стала смеяться. Уж очень потешный оказался человечек. В красной рубахе с поясом, на ногах лапти, нос курносый, а рот до ушей, особенно когда смеётся.

Лохматик заметил, что его разглядывают, убежал за веник и оттуда объяснил:

– «Свориться» – значит «ссориться, ругаться, позорить, измываться, дразниться», – всё едино обидно.

И Наташа поскорее сказала, что ни разу, никогда, нипочём его не обидит.

Услышав это, лохматик выглянул из-за веника и решительно произнёс:

– Знаешь что? Тогда я совсем тебя не боюсь. Я ведь храбрый!

Банька

– Ты кто? – спросила девочка.
– Кузька, – ответил незнакомец.
– Это тебя звать Кузька. А кто ты?
– Сказки знаешь? Так вот. Сперва добра молодца в баньке попарь, накорми, напои, а потом и спрашивай.

– Нет у нас баньки, – огорчённо сказала девочка.

Кузька презрительно фыркнул, расстался наконец с веником и побежал, держась на всякий случай подальше от девочки, до ванной комнаты и обернулся:

– Не хозяин, кто своего хозяйства не знает!

– Так ведь это ванна, а не банька, – уточнила Наташа.

– Что в лоб, что по лбу! – отозвался Кузька.

– Чего, чего? – не поняла девочка.

– Что об печь головой, что головою об печь – всё равно, всё едино! – крикнул Кузька и скрылся за дверью ванной комнаты. А чуть погодя оттуда послышался обиженный вопль: – Ну, что же ты меня не паришь?

Девочка вошла в ванную. Кузька прыгал под раковиной умывальника.

В ванну он лезть не захотел, сказал, что слишком велика, водяному впору. Наташа купала его прямо в раковине под краном с горячей водой. Такой горячей, что руки едва терпели, а Кузька знай себе покрикивал:

– А ну, горячей, хозяйюшка! Наддай парку! Попарим молодые косточки!

Раздеваться он не стал.

– Или мне делать нечего? – рассуждал он, кувыркаясь и прыгая в раковине так, что брызги летели к самому потолку. – Снимай кафтан, надевай кафтан, а на нём пуговиц столько, и все застёгнуты. Снимай рубаху, надевай рубаху, а на ней завязки, и все завязаны. Эдак всю жизнь раздевайся – одевайся, расстёгивайся – застёгивайся. У меня поважнее дела есть. А так сразу и сам отмоюсь, и одежда отстирается.

Наташа уговорила Кузьку хоть лапти снять и вымыла их мылом чисто-начисто.

Кузька, сидя в раковине, наблюдал, что из этого выйдет. Отмытые лапти оказались очень красивыми – жёлтые, блестящие, совсем как новые.

Лохматик восхитился и сунул под кран голову.

– Пожалуйста, закрой глаза крепче, – попросила Наташа. – А то мыло тебя укусит.

– Пусть попробует! – проворчал Кузька и открыл глаза как можно шире.

Тут он заорал истошным голосом и напробовался мыла.

Наташа долго споласкивала его чистой водой, утешала и успокаивала. Зато отмытые Кузькины волосы сверкали как золото.

– Ну-ка, – сказала девочка, – полюбуйся на себя! – И протёрла зеркало, висевшее над раковиной.

Кузька полюбовался, утешился, одёрнул мокрую рубашу, поиграл кистями на мокром поясе, подбоченился и важно заявил:

– Ну что я за добрый мблodeц. Чудо! Загляденье, да и только! Настоящий молодёц!

– Кто же ты, мблodeц или молодёц? – не поняла Наташа.

Мокрый Кузька очень серьёзно объяснил девочке, что он сразу и добрый мблodeц, и настоящий молодёц.

– Значит, ты добрый? – обрадовалась девочка.

– Очень добрый, – заявил Кузька. – Среди нас всякие бывают: и злые, и жадные. А я добрый, все говорят.

– Кто все? Кто говорит?

В ответ Кузька начал загибать пальцы:

– В баньке я пареный? Пареный. Поеный? Поеный. Воды досыта нахлебался. Кормленный? Нет. Так что ж ты меня спрашиваешь? Ты молодёц, и я молодёц, возьмём по ковриге за конец!

– Что-что? – переспросила девочка.

– Опять не понимаешь, – вздохнул Кузька. – Ну, ясно: сытый голодного не понимает. Я, например, ужасно голодный. А ты?

Наташа без лишних разговоров завернула добра мѳлодца в полотенце и понесла на кухню.

По дороге Кузька шепнул ей на ухо:

– Я таки наподдал ему как следует, этому мылу твоему. Как жваркну его, как дряпну – больше не будет свориться.

Олелюшечки

Наташа усадила мокрого Кузьку на батарею. Рядом лапти положила, пускай тоже сохнут. Если у человека мокрая обувь, он простудится.

Кузька совсем перестал бояться. Сидит себе, придерживая каждый лапоть за верёвочку, и поёт:

Истопили баньку, вымыли Ваваньку,
Посадили в уголок, дали кашечки комок!

Наташа придвинула к батарее стул и сказала:

– Закрой глаза!

Кузька тут же зажмурился и не подумал подглядывать, пока не услышал:

– Пора! Открывай!

На стуле перед Кузькой стояла коробка с пирожными, большими, прекрасными, с зелёными листиками, с белыми, жёлтыми, розовыми цветами из сладкого крема. Мама купила их для новоселья, а Наташе разрешила съесть одно или два, если уж она очень соскучится.

– Выбирай какое хочешь! – торжественно сказала девочка.

Кузька заглянул в коробку, наморщил нос и отвернулся:

– Это я не ем. Я – не козёл.

Девочка растерялась. Она очень любила пирожные. При чём тут козёл?

– Ты только попробуй, – нерешительно предложила она.

– И не проси! – твёрдо отказался Кузька и опять отвернулся. Да как отвернулся! Наташа сразу поняла, что значит слово «отвращение». – Поросята пусть пробуют, лошади, коровы. Цыплята поклюют, утята-гусята пощиплют. Ну, зайцы пусть побалуются, леший пообкусывает. А мне... – Кузька похлопал себя по животу, – мне эта пища не по сердцу, нет, не по сердцу!

– Ты только понюхай, как пахнут, – жалобно попросила Наташа.

– Чего-чего, а это они умеют, – согласился Кузька. – А на вкус трава травой. – Видно, Кузька решил, что его угощают настоящими цветами: розами, ромашками, колокольчиками.

Наташа засмеялась.

А надо сказать, что Кузька больше всего на свете не любил, когда над ним смеются. Если над кем-нибудь ещё, то пожалуйста. Можно иногда и самому над собой посмеяться. Но чтоб другие смеялись над ним без спроса, этого Кузька терпеть не мог. Он тут же схватил первое попавшееся пирожное и отважно сунул его в рот. И сейчас же спросил:

– Фафа фефёф или фто фофофаеф?

Девочка не поняла, но лохматик, мигом расправившись с пирожным и запустив руку в коробку, повторил:

– Сама печёшь или кто помогает? – И давай пихать в рот одно пирожное за другим. Наташа задумалась, что она скажет маме, если Кузька нечаянно съест все пирожные.

Но он съел примерно штук десять, не больше. И, на прощание заглянув в коробку, вздохнул:

– Хватит. Хорошенького понемножку. Эдак нельзя: всё себе да себе. Надо и о других подумать. – И начал считать пирожные. – Тут ещё осталось Сюра угостить, Афоньку, Адоньку, Вуколочку. И Сосипатрику хватит, и Лутонюшке, и бедненькому Кувике. Я их тоже сначала обману: ешьте, мол, ешьте, угощайтесь! Пусть тоже думают, что цветами потчую. И угостим, и насмешим, то-то все будут рады-радехоньки!

Нахохотавшись всласть, Кузька обернулся к Наташе и заявил, что олелюшечек никак не хватит.

– Чего не хватит? – рассеянно спросила девочка. Она всё думала, что сказать маме о пирожных, а ещё думала про Адоньку, Афоньку, Вуколочку.

– Олелюшечек, говорю, на всех не хватит. Не красна изба углами, а красна пирогами. Эдаких вот, с цветами! – Кузька даже рассердился и, видя, что девочка не понимает, о чём речь, ткнул пальцем в пирожные. – Вот они, олелюшечки – эти самые пироги цветочные! Я ж говорю, невразумиха ты непонятливая, а ещё смеёшься!

Жердяя звать не надо

– Дом без хозяина – сирота, – поёрзав на батарее, сказал Кузька и начал озираться, будто что-то потерял. – И хозяин без дома – тоже сирота. Дома и стены помогают.

Наташа оглядела стены. Интересно, как это они будут помогать? Руки у них вырастут, что ли? Или стены станут говорящими? Кто-нибудь начнёт мыть посуду, а стены скажут: «Эй, ты! Марш отсюда! Сами вымоем!» Или нет. Кто ж станет строить такие грубые стены? Это будут очень милые, приветливые стеночки: «Будьте добры, займитесь какими-нибудь другими, более интересными делами, а мы, с вашего позволения, перемоем всю посуду. И пожалуйста, не беспокойтесь: ни одной чашечки, ни одной тарелочки не разобьём». Тут, конечно, стены раздвинутся, выйдут роботы, всё сделают – и опять в стены.

Кузька между тем очень внимательно оглядывал кухню и заодно объяснял, для чего нужно праздновать новоселье:

– У вас, у людей, день рождения раз в году. А у дома он бывает раз в жизни – его новосельем зовут. Где новоселье – там гости. Где гости – там угощение. Мало угощения – гости подерутся. Пеки олелюшечки, да побольше, чтобы на всех хватило!

– Афонька, Адонька, Вуколочка – это твои гости? – спросила девочка.

– Сюра забыла, – ответил Кузька. – А ещё жди Пармешу, Куковяку, Лутонюшку. Так... Ещё кого? Пафнутий придёт, Фармуфий, Сосипатр, Пудя, Ховря, Дидим, Теря, Беря, Фортунат, Пигасий, Буян, Молчан, Нафаня, Авундий... Феодул с Феодулаем придут, Пантя, Славуся, Веденей... Блудяшку и Себяку звать не буду, разве что сами придут незваными гостями. А вот Поньку, так и быть, кликну. И Бутеню, и беденького Кувьку.

– Что это, все твои товарищи?! – изумилась девочка. – Так много?

– А как же! – важно ответил Кузька. – Без товарищей один Жердяй живёт.

– Кто живёт?

– Жердяй. Сухой, длинный, на крыше у трубы дымом греется. Завистник, ненавистник и пакостник, лучше сюда его не звать – всех перессорит. Пусть себе торчит на крыше, как сухая ветка.

Девочка скорей посмотрела в окно, не видно ли Жердяя. Не только Жердяя, но и труб, и дыма на крышах не было, одни антенны поднимались вверх.

– Нет, – продолжал Кузька. – Жердяя звать не буду. Вот деда Кукобу позову. Да не соберётся он, дед Кукоба, скажет: «Дорога не близкая, за семь вёрст киселя хлебать – лаптей не напасёшься». А может, и навестит, соскучился, поди.

Сверюк с Пахмурой не придут, зови не зови, эти веселья не любят. Лыгашку глаза б мои не видели! И Скалдыра пусть не показывается. Зато Белебень сей же час прибежит. Услышит от Сороки – и здравствуйте-пожалуйста, давно не видались!

– От Сороки? – удивилась Наташа. – Разве птицы знают про новоселье?

– Сорока знает, – твёрдо сказал Кузька. – Она везде поспевает. Да толком ничего не понимает. До того занята, что и подумать некогда, что надо, чего не надо – про всё трещит, на хвосте тащит. Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу. Не любим мы Сороку, – вздохнул Кузька. – Один Белебенья с ней в ладу живёт. Чуть услышит, у кого какая беда или радость, – ему всё равно, лишь бы народу побольше и угощения, – он и прискачет. И Лататуй с ним, они всегда вместе.

Девочка во все глаза смотрела на Кузьку. Он по-прежнему сидел на батарее, рядом сохли лапти. Кузька придерживал их за верёвочки и болтал ногами.

«Интересно, – думала девочка, – почему у Кузьки ножки маленькие, а лапти такие, что в каждый он может сесть, как в корзину». А ещё она думала о Кузькиных друзьях. Какие они? Тоже маленькие, лохматые и в лаптях? Или некоторые в ботинках? Или же большие, лохматые, в пиджаках, с галстуками, но в лаптях? Или же маленькие, причёсанные, в рубахах и в ботинках?

А Кузька в это время продолжал:

– Белун придёт, и пускай. Всегда ему рады. Тихий старичок, смирный, ласковый. Вот только носовой платок для него не забыть припасти, если попросит нос вытереть. Банник непременно пожалуется, то-то ему здесь светло покажется после тёмной бани. Ещё Петряй и Агапчик навелят, Поплеша с Амфилашей, Сдобыш, Луп, Олеля... Лишь бы Тухляшка не навязался, ну его!

– Ой, Кузенька! – изумилась Наташа. – Сколько же у тебя друзей!

– Сколько друзей-то? Скажу, да погожу, – ответил Кузька, ёрзая на горячей батарее, и добавил: – Кабы я блином был, мне бы в самый раз на этой печурке доспеть, подрумяниться. – Он поглядел вниз и вздохнул: – Давно бы отсюда ушёл, да шесток больно высок, до полу лететь далеко, а ухватиться не за что.

Наташа скорее пересадила бедняжку на подоконник.

– Эка благодать – весь белый свет видать! – обрадовался Кузька и прижался носом к стеклу. Девочка тоже посмотрела в окно.

Обиженный самолётик

По небу неслись облака. Тоненькие, с виду совсем игрушечные подъёмные краники двигались между светло-жёлтыми, розовыми, голубыми коробочками домов, поднимали и опускали стрелы. Дальше был виден синий лес, до того синий, будто в нём и деревья растут синие с голубыми листьями и лиловыми стволами.

Над синим лесом летел самолётик. Кузька показал ему язык, потом обернулся к девочке:

– Много всякого народу пожалует на новоселье. Придут и скажут: «Вот спасибо тому, кто хозяин в доме!» Будет что рассказать, будет что вспомнить. Друзья к нам придут, и знакомые, и друзья друзей, и знакомые друзей, и друзья знакомых, и знакомые знакомых. С некоторыми водиться – лучше в крапиву садиться. Пусть и они приходят. Друзей всё равно больше.

– А где они живут, твои друзья? – спросила девочка.

– Как – где? – удивился лохматик. – Везде, по всему миру, каждый у себя дома. И в нашем доме тоже. Мы высоко живём? На восьмом этаже? А на двенадцатом уже раньше нас Тарах поселился, на первом Митрошка – тонкие ножки живёт понемножку.

Наташа недоверчиво спросила, откуда Кузька про это знает. Оказалось, от знакомого воробья по имени Летун. Сегодня, когда машина остановилась и стали выгружать вещи, воробей как раз купался в луже около подъезда. Митрошка и Тарах, которые приехали сюда раньше, просили его кланяться всем, кто ещё приедет в этот дом.

– Помнишь, – спросил Кузька, – он нам из лужи кланялся, мокренький такой, встрёпанный? Слушай, ему же там до самого вечера сидеть и кланяться! Посиди-ка весь день в луже, не пивши, не евши. Думаешь, хорошо?

– Ну, попить-то он может, – нерешительно сказала Наташа.

– Угу, – согласился Кузька. – А поесть мы ему олеюшку бросим в окошко. Ладно? Только аккуратно, а то попадёшь в голову, а он маленький, эдак и ушибить можно.

Они долго возились с задвижками, открывали окно, потом высунулись, увидели лужу, рядом с ней серую точку (видно, Летун не всё время купался, иногда и загорал) и очень удачно бросили из окна пирожное наполеон: оно упало прямо в лужу. Только успели закрыть окно, Кузька как закричит:

– Ура! Едут! Уже едут! Гляди!

Внизу по широкому новому шоссе мчался грузовик с узлами, столами, шкафами.

– Ну-ка, ну-ка, что у нас за соседи? – радовался Кузька. – Друзья или просто знакомые?

А не знакомы, долго ль познакомиться – приходи сосед к соседу на весёлую беседу. Эй ты! Куда уезжаешь? Куда? Вот они мы, не видишь, что ли? Остановись сей же час, кому говорят!

Но грузовик проехал мимо и увёз людей с их добром в другой дом к другим соседям.

Кузька чуть не плакал:

– А всё машина виновата! Не могла остановиться, что ли? К другим соседи поехали. А к нам жди-пожди – то ли дождик, то ли снег, то ли будут, то ли нет.

Наташе успокоить бы его, а она слова сказать не может, смеяться хочется. И вдруг она услышала:

– Эй ты! Сюда заворачивай! Лети, лети к нам в гости со всеми чадами и домочадцами, с друзьями и с соседями, со всем домком, кроме хором!

Девочка посмотрела в окно: коробки домов, подъёмные краны, а над ними самолёт.

– Ты кого зовёшь?

– Его! – Кузька ткнул пальцем в небо, указывая на самолёт. – Давеча он также летел, а я его подразнил.

Кузька смутился, покраснел, даже уши у него стали красными от смущения.

– Я ему язык показал. Может, видела? Обиделся, поди. Пусть уж побывает у нас, олелюшечек отведаст. А то скажет: дом-то хорош, да хозяин негод.

Наташа рассмеялась: самолёт к нам зовёт, кормить его собирается!

– Вот чудак, да он же здесь не поместится.

– Толкуй больной с подлекарем! – развеселился Кузька. – Вот машину, которая нас везла, я в гости не звал, велика, в горницу не влезет. А самолёт – другое дело. Сколько я их в небе перевидал, ни один крупнее вороны или галки на глаза не попадался. А этот не простой самолёт, обиженный. Если тесно ему покажется, так ведь в тесноте, да не в обиде. А будешь надо мной смеяться – убегу, и поминай как звали.

Самолёт, конечно, не откликнулся на Кузькино приглашение, а улетел, куда ему было надо.

Кузька долго-долго глядел ему вслед и грустно сказал:

– И этот не захотел к нам в гости. Крепко на меня обиделся, что ли...

Воробьиный язык

Наташа решила больше не смеяться над Кузькой. Если маленькие чего не знают, на то они и маленькие. Вырастут – узнают. А Кузька – совсем маленький, хоть и в огромных лаптях. Откуда ему знать про самолёты?

– Ты разве в машине с нами приехал? – спросила девочка.

– А то где же? – важно ответил лохматик. – Я у неё спросил: «Довезёшь?» – «Полезай, – отвечает, – довезу».

– У машины спросил?

– А как же? Без спросу – останешься без носу. Очень удобно ехал. В ведре. Мы с веником там хорошо уместились.

– Что ж, машина так и сказала: «Полезай – довезу»?

– Ну, она-то по-своему, по-машинному: «Рр!» Да я не ослороп, понял. Вот и довезла. Тут я, видишь? Вот он. – Кузька для убедительности потыкал в себя пальцем и сказал, что машинные языки ещё не ахти как знает. То ли дело птичьи или звериные.

И тут как раз зачирикал воробей. Может, Летун прилетел благодарить за угощение? Наташа искала глазами воробья, а в кухне уже свистели синицы, заливался соловей, стучал дятел.

Мяукнула кошка. Птицы умолкли. Громко залаяла собака. Невидимая кошка заорала изо всех кошачьих сил и удрала. А невидимая собака вдруг как тьякнет на девочку! Наташа чуть со стула не свалилась и закричала: «Мама!» И тут всё стихло, кроме Кузькиного смеха. Это он кричал разными голосами. Ну и Кузька!

Она хотела попросить, чтобы Кузька ещё полаял, но тут замычала корова, закукарекал петух, заблеяли овцы и козы, закудахтали курица, запищали цыплята. Курица звала детей всё громче, цыплята пищали всё жалобней, а потом смолкли. Верно, курица увела их подальше от стада, от множества копыт и мохнатых ног. Вдруг замолкли овцы с козами и заревел кто-то страшный. Зашумели, закрипели деревья, завыл ветер. Кто-то ухал, верещал, стонал. Но вот всё затихло, и в тишине что-то взвизгнуло.

– Страшно, да? – спросил Кузька. – Я тогда тоже испугался.

Когда и где испугался, он рассказывать не стал, а задумчиво произнёс:

– По-воробьиному-то я давно говорю. И по-вороньи, и по-куриному. Лошадиный знаю, козлиный, бычий, свинячий, ну и кошачий, и собачий. А когда в лес попал, заячьему выучился, беличьему, лисьему... Волчий понимаю, медвежий. Рыбьи языки хуже знаю, труднее они: покуда выучишь, десять раз утопнешь или простудишься. Ещё карасий от щучьего отличу, а больше ни-ни.

Наташа во все глаза смотрела на Кузьку. Маленький, а сколько языков знает! А вот она, хоть и большая, знает всего несколько десятков английских слов и одно немецкое.

– Кузенька! – робко спросила Наташа. – А теперь ты скажешь, кто ты? Или ещё не пора? Кузька внимательно посмотрел на девочку и стал загибать пальцы:

– Кормленный я? Кормленный. Поеный? Поеный. В бане пареный? Пареный. Ну так слушай...

И тут в дверь постучали.

– Беги открывай! – прошептал Кузька. – Да никому про меня не рассказывай.

То тепло, то холодно

– Дверь обить не желаете? – спросил незнакомый дяденька. – Чёрная клеёночка имеется и коричневого цвета. Да ты одна, что ли, дома, девочка? Спрашивать надо, спрашивать, когда дверь отпираешь, и чужим не открывать. Говоришь вам, говоришь, учишь вас, учишь, – ворчал дяденька, стучась в соседнюю дверь.

Наташа вернулась в кухню. Кузьки на подоконнике не было, коробки с пирожными тоже, только лапти сохли на батарее.

– Кузенька! – позвала Наташа.

– Ку-ку! – откликнулись из угла.

Там под раковиной был аккуратный белый шкафчик, куда ведро ставят для мусора. Из этого- то шкафчика и выглянула весёлая Кузькина мордочка.

– Ах вы, сени мои, сени! Сени новые мои! – вопил он, приплясывая, когда Наташа заглянула в шкафчик. – Добро пожаловать! Будьте как дома! Ну не чудо ли и не красота! Гляди, какой славный домик я себе отыскал! Как раз по росту. И олелюшечки уместились! И гости поместятся, если по одному будут приходить. А что внутри он белый, так мы его раскрасим. На этой стенке лето нарисуем, на той осень, здесь весну, бабочки летают. А дверь пусть остаётся белой, как зима. Место тихое, укромное, кто не надо – не заглянет.

– Заглянут, – вздохнула Наташа. – Сюда ведро помойное ставят.

– Глупости какие! – сказал Кузька, вылезая из шкафчика. – Изгваздать такую красоту! Ума нет.

– А куда ж мусор бросать?

– А вон куда! – И Кузька показал на окно.

Девочка не согласилась. Что ж это будет? Идёт по тротуару прохожий, а на него сверху очитки всякие падают, объедки, огрызки...

– Ну и что? – сказал Кузька. – Отряхнулся и пошёл себе дальше.

И тут в дверь опять постучали.

– Здравствуйте! Я ваша соседка, – сказала незнакомая женщина в переднике. – У вас не найдётся коробки спичек?

Наташа, загораживая дорогу в кухню, сказала, что спичек нет и никого нет.

– А почему дверь открываешь, не спрашивая? – улыбнулась соседка и ушла.

В кухне на батарее сох один лапоть. Кузька снова исчез.

– Кузенька! – позвала Наташа.

Никто не ответил. Она опять позвала. Откуда- то слышался шорох, тихий смех и приглушённый Кузькин голос:

– Идёт мимо кровати спать на полати.

Искала Наташа, искала – Кузька будто провалился.

Надоело ей искать.

– Кузенька, где ты?

Послышалось хихиканье, и неизвестно откуда ответили:

– Если я скажу «холодно», значит, там меня нету, а скажу «тепло», там я и есть.

Наташа вышла в коридор.

– Эх, морозище-мороз отморозил девке нос! – заорал невидимый Кузька.

Девочка вернулась в кухню.

– Мороз невелик, а стоять не велит!

Она заглянула в белый шкафчик под раковиной.

– Стужа да мороз, на печи мужик замёрз!

Наташа сделала шаг к газовой плите, и погода сразу улучшилась:

– Сосульки тают! Весна-красна, на чём пришла? На кнутике, на хомутике!

У плиты наступило лето. Открыв духовку, Наташа увидела на противне Кузьку, который вопил, не жалея голоса:

– Обожжёшься! Сгоришь! Удирай, пока не поздно!

– Это ты сгоришь! – сказала Наташа и стала объяснять про газовую плиту и про духовку.

Недослушав объяснений, Кузька вылетел наружу как ошпаренный, подобрал коробку с пирожными, надел лапоть и сердито пнул плиту.

– Вот беда, беда, огорчение! Я-то думал, это будет мой домик, тихонький, укромненький, никто не заглянет. А сам, страх подумать, в печи сидел! Ах ты, батюшки!

Наташа стала его утешать.

– Я твоей плиты не боюсь, зря не укусит, – махнул рукою Кузька. – Я огня боюсь.

Кузька сел на коробку с пирожными и пригорюнился:

– И лаптей жалко, и рубахи, а больше всего – своей головушки. Я ж молоденький, семь веков всего, восьмой пошёл...

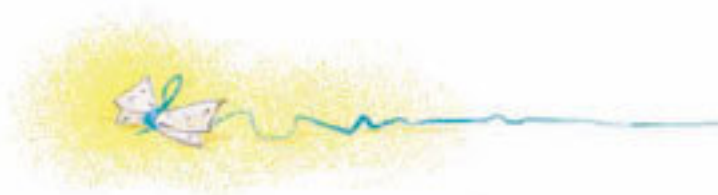
– Семь лет, – поправила Наташа. – Как мне.

– У вас годами считают, – уточнил Кузька, – у нас – веками, в каждом веке сто лет. Вот моему дедушке сто веков с лишним. Не знаю, как ты, а мы с огнём не водимся. Играть он не умеет, шуток не любит. Кто-кто, а мы это знаем. Дедушка нам говорил: «Не играйте с огнём, не шутите с водой, ветру не верьте». А мы не послушались. Поиграли раз, на всю жизнь хватит.

– Кто поиграл?

– Мы поиграли. Сидим как-то у себя дома под печкой. Я сижу, Афонька, Адонька, Сюр, Вуколочка. И вдруг...

Но тут в дверь опять постучали.

Вот беда, беда, огорчение!

Очень высокий, почти до потолка, молодой человек спросил Наташу:

– Где у вас телевизор?

Куртка на юноше блестела, молнии на куртке сверкали, рубашка в мелкий цветочек, а на ней значок с Чебурашкой.

– Ещё не приехал, – растерянно ответила Наташа, глядя на Чебурашку.

– Да ты одна, что ли? – спросил юноша. – А чего пускаешь в дом кого попало? Ну ладно, зайду ещё! Расти большая.

Девочка бегом вернулась в кухню. Там тихо и пусто. Позвала она, позвала – никто не откликнулся; поискала, поискала – никого не нашла. Заглянула в белый шкафчик под раковиной, в духовку – нет Кузьки. Может быть, он спрятался в комнатах?

Наташа обегала всю квартиру, обшарила все углы. Кузьки и след простыл. Напрасно она развязывала узлы, отодвигала ящики, открывала чемоданы, напрасно звала Кузьку самыми ласковыми именами – ни слуху ни духу, будто никогда никакого Кузьки и в помине не было. Только машины шумели за окном и дождь стучал в стёкла. Наташа вернулась в кухню, подошла к окну и заплакала.

И тут она услышала очень тихий вздох, чуть слышный стук и тихий-претихий голос.

– Вот беда, беда, огорчение! – вздыхал и разговаривал холодильник. Кто-то скрёбся в холодильнике, как мышка.

– Бедный, глупый Кузенька! – ахнула Наташа, кинулась к холодильнику, взялась за блестящую ручку.

Но тут в дверь не просто застучали, а забарабанили:

– Наташа! Открывай!

Наташа бросилась в коридор, но по дороге передумала: «Сначала выпущу Кузьку, он совсем замёрз».

– Что случилось?! Открывай сейчас же!! Наташа!!! – кричали в коридоре и ломились в дверь.

– Кто там? – спросила Наташа, поворачивая ключ.

– И она ещё спрашивает! – ответили ей и потащили в комнаты диван, телевизор и много других вещей.

Наташа на цыпочках побежала в кухню, открыла холодильник, и прямо ей в руки вывалился дрожащий холодненький Кузька.

– Вот беда, беда, огорчение! – приговаривал он, и слова вместе с ним дрожали. – Я-то думал, это мой домик, укромненький, чистенький, а тут хуже, чем у Бабы-яги, у той хоть тепло! Деда Мороза изба, что ли, да не простая, с секретом: впустить-то впустит, а назад – и не проси... И приманок всяких вдоволь, яства одно другого слаще... Ой, батюшки, никак олеюшки там оставил! Пропадут они, замёрзнут!

В коридоре послышались шаги, раздался грохот, шум, треск. Кузька до того перепугался – перестал дрожать, смотрит на девочку круглыми от страха глазами. Наташа сказала ему на ухо:

– Не бойся! Хочешь, я тебя сейчас спрячу?

– Знаешь что? Мы с тобой уже подружились, я тебя уже не боюсь! Я сей же час сам спрячусь. А ты беги скорёхонько в горницу, где я был под веником. Отыщи в углу веник, под ним увидишь сундук. Тот сундук не простой, волшебный. Спрячь его, береги как зеницу ока, никому не показывай, никому про него не рассказывай. Я бы сам побежал, да мне туда ходу нет!

Кузька прыгнул на пол и пропал, скрылся из глаз. А Наташа бросилась искать веник. Веника в углу не было. И угла тоже не было. Вернее, он был, но его теперь занял огромный шкаф. Наташа громко заплакала. Из комнат прибежали люди, увидели, что она не ушиблась, не оцарапалась, а плачет из-за какой-то игрушки, про которую и рассказать толком не может, успокоились и опять пошли прибивать полки, вешать люстры, двигать мебель.

Девочка плакала потихоньку. И вдруг сверху кто-то спросил:

– Не эту ли шкатулку ищите, барышня?

Кто такой Кузька?

Наташа подняла голову и увидела высокого человека, папиного товарища. Они с папой когда-то сидели в первом классе на последней парте, потом всю жизнь не виделись, встретились только вчера и никак не могли расстаться, даже вещи грузили вместе.

В руке у папиного соседа по школьной парте был чудесный сундучок с блестящими уголками и замочком, украшенный цветами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.